

Евгений Хацкельсон

Сумрачный гений

Повесть и очерки из истории военной
авиации XX века

Евгений Хацкельсон

**Сумрачный гений. Повесть
и очерки из истории
военной авиации XX века**

«Издательские решения»

Хацкельсон Е.

Сумрачный гений. Повесть и очерки из истории военной авиации XX века / Е. Хацкельсон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832480-2

Книга является сборником произведений, объединенных тематикой военной авиации XX века: творчество выдающихся авиаконструкторов, история создания и боевого применения различных образцов авиационной техники прошедшего столетия, война в Испании, боевой путь авиаполка «Нормандия-Неман», битва за Британию, история радиолокации, воздушный террор союзников и трагедия Дрездена, три звезды Александра Покрышкина, Адольф Галланд и Вернер Мельдерс, непростая судьба Вилли Мессершмитта.

ISBN 978-5-44-832480-2

© Хацкельсон Е.
© Издательские решения

Содержание

Сумрачный гений	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сумрачный гений

Повесть и очерки из истории

военной авиации XX века

Евгений Хацкельсон

© Евгений Хацкельсон, 2016

© Марина Евтушенко, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2480-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сумрачный гений

Во второй половине дня 2 мая 1945 года в небольшой деревне Обераммергау, уютно расположенной в баварских Альпах, появились три джипа «Виллис», в которых сидели несколько старших офицеров британской армии. Джипы неспешно проехали к живописной вилле Хохрид. Незваные гости вышли из машины и требовательно позвонили в дом. Им открыла горничная и проводила в гостиную, где военных уже ожидала хозяйка – баронесса Лилли Стромейер, урожденная Мишель-Раулино.

– Здравствуйте, господа, – приветливо сказала она им на хорошем английском, – Я баронесса Лилли Стромейер. Не желаете ли присесть? Могу вам предложить коньяк и кофе.

Но вошедшие офицеры остались стоять, с интересом рассматривая дорожную и красивую обстановку.

– Благодарю, баронесса, мы спешим, – вежливо, но твердо ответил старший группы с погонами полковника. – Нам нужен господин Мессершмитт. Он здесь, в доме?

– Я здесь, – ответил им по-немецки вошедший в гостиную из рабочего кабинета высокий и статный мужчина. – Чем могу быть полезен?

Англичане с интересом посмотрели на хозяина дома. Неужели перед ними именно тот легендарный человек, который создавал для Люфтваффе грозные боевые машины, сбившие столько английских самолетов? Какая удача, что первыми его нашли они, а не русские.

– Вы авиаконструктор Вильгельм Мессершмитт? – спросили его на всякий случай.

– Да.

– Вам придется проехать с нами.

– Надолго? – встрепелась баронесса, обнаружив свое беспокойство. – Господин Мессершмитт плохо себя чувствует!

– Не волнуйтесь, – ответил ей полковник, – нашему руководству необходимо побеседовать с вашим мужем. Мы сегодня же привезем его обратно.

– Позвольте мне сопровождать его!

– Это невозможно, – услышала баронесса в ответ. – Нам поручено доставить только господина Мессершмитта.

Фрау Стромейер без сил опустилась на стул.

– Успокойся, Лилли, – сказал жене Мессершмитт, – это не арест. Я буду готов через 10 минут, господа, – обратился он к англичанам.

– Хорошо, профессор, мы будем ждать вас в машине, – сказали ему военные и вышли на улицу.

– Не волнуйся, дорогая! – Мессершмитт подошел к жене и обнял ее за плечи.

– Я буду ждать тебя, Вилли, – Лилли взяла его руку и прижала к груди, – столько, сколько понадобится.

Авиаконструктор Вилли Мессершмитт

Союзники вошли в Обераммергау 29 апреля, и Мессершмитт ждал их визита со дня на день. До самого последнего дня в деревушке работал замаскированный комплекс проектирования и производства боевых самолетов. Компания «Мессершмитт АГ» продолжала выпускать истребители Me-109-G, получившие прозвище «Густав», истребители-бомбардировщики Me-110, новейшие реактивные Me-262 в варианте истребителей. Свирепые бомбардировки союзной авиации уничтожали крупные авиационные заводы, но производство пряталось в лесах и под землей и продолжало выпускать боевые самолеты и реактивные снаряды «Фау». По всей захваченной территории Германии неустанно рыскали группы переодетых в военную форму технических специалистов и искали спрятанные авиационные и ракетные заводы. На западе их искали англичане и американцы, на востоке – русские. И они находили – в лесах, в подземных туннелях и бункерах – находили в таких местах, о которых даже не подозревала военная разведка. Все найденные трофеи – техническая документация, чертежи, опытные образцы новейшего вооружения – немедленно переправлялись в СССР, Британию или Штаты. За головами тоже велась охота. Передовая немецкая военно-техническая наука теперь должна была послужить победителям во Второй мировой войне, и между ними развернулось тайное, но ожесточенное соревнование.

В этом живописном месте у самого подножия южных Альп, в длинных уютных деревянных бараках жили инженеры, технологи и рабочие Вилли Мессершмитта. Кроны деревьев смыкались над зелеными крышами и служили надежной маскировкой. До самого последнего момента союзники не подозревали, что тут находится его научно-производственный комплекс. Здесь царили тишина и спокойствие. В больших и просторных комнатах стояли у кульманов инженеры, рабочие собирали самолеты, деловито сновали технологи, начальники отделов и производственных бригад проводили совещания в своих уютных кабинетах, а миловидная секретарша, покачивая бедрами, носила кофе в кабинет шефа, как будто и не было никакой войны. Но война была, и она неумолимо приближалась вплотную к доктору Мессершмитту, знаменитому авиаконструктору, профессору, дипломированному инженеру, Почетному профессору Мюнхенского Технического университета, обладателю почетных званий «Пионер труда» и «Лидер оборонной промышленности», академику и члену нацистской партии с 1933 года, вступившему в нее по рекомендации самого Рудольфа Гесса.

Вилли знал это, но сохранял спокойствие. Территория Рейха ежедневно сжималась, как шагреновая кожа. Немцев разгромили в Африке и выгнали из Италии, англо-американские войска высадились в Нормандии, огромная русская армия железным катком надвигались с востока, сметая все на своем пути, стратегическая авиация союзников обращала

в прах и пепел немецкие города и добивала остатки военной промышленности. Крах был совсем близок, но Мессершмитт продолжал, как ни в чем не бывало, ежедневно ездить на работу в своем небольшом автомобиле, проводить совещания, ставить задачи конструкторам, назначать испытания, проводить на своей вилле заседания совета директоров. Он занимался любимым делом, и это наполняло его жизнь спокойствием и смыслом.

**

Лилли видела в окно, как доктор Мессершмитт вышел из дома, как немедленно открылась задняя дверь стоящего посередине джипа, из машины вышел рослый офицер и жестом пригласил в машину. Вилли сел между двумя крепкими мужчинами, и автомобиль уехал в неизвестном направлении. Куда его увезли? Зачем? Что с ним собираются делать англичане? Баронесса от беспокойства не находила себе места в опустевшем доме. Видимо, решила она, его хотят привлечь к работе на Королевские ВВС как авиаконструктора. Не будут же они ему мстить за то, что его истребители сбивали их тяжелые бомбардировщики! Хотя после того, как англичане спалили в адовом огне Дрезден вместе с десятками тысяч горожан и несчастных беженцев, она уже могла ожидать от них чего угодно. Проклятая война! Сколько горя она принесла Германии, сколько загублено молодых жизней, сколько погибло невинных детей под английскими и американскими бомбами, сколько людей сгорело заживо во время чудовищных бомбардировок Гамбурга, Киля, Дрездена, Кельна, Ганновера, Берлина. Лилли ненавидела янки и англичан за эти бомбардировки, и ей было приятно, что их сбивали истребители германской ПВО на самолетах конструкции ее мужа. Но она также всегда помнила, кто довел ее страну до катастрофы. Баронесса чувствовала почти физическое отвращение к этим малограмотным, озлобленным и самоуверенным выскочкам из низов общества, которые сумели дорваться до власти и одурманить миллионы немцев своими демагогическими речами. Но она никому не могла рассказывать о своих истинных мыслях и чувствах, кроме Вилли, которому она уже много лет была верным другом, спутницей, возлюбленной и ценным деловым партнером. Во многом именно благодаря ее поддержке он стал тем Мессершмиттом, которого теперь знает весь мир. Их романтическая и преданная любовь друг к другу длилась уже много лет и была хорошо известна всем окружающим, которые называли их Ромео и Джульеттой.

Правда, Джульетта не была официально замужем за своим Ромео, и ее трое детей были рождены не от него. У Вилли никогда не было своих детей, и он считал своими ее сыновей, рожденных ею от мужа – Отто Стромейера, уважаемого и умного человека, богатого промышленника. Барон Стромейер в свое время занимал пост председателя совета директоров авиационного завода в Аугсбурге, где Мессершмитт работал главным конструктором и техническим руководителем. Лилли, происходившая из состоятельной аристократической семьи, была старше Вилли на шесть лет. Познакомились они в юности, прошедшей у обоих в городе Бамберге. К красивому и скромному юноше она проявила интерес, когда Вилли начал успешно запускать свои планеры, которые он строил со своим старшим товарищем – архитектором Фридрихом Хартом.

Юный Вилли Мессершмитт в Бамберге

Очаровательная миниатюрная аристократка обладала сильным характером, неженской практичностью и решительностью, здравым смыслом и прекрасными техническими способностями. Она разглядела в застенчивом юноше огромный талант и стала ему верным старшим другом. Привязанность его вскоре переросла в любовь, но она тогда воспринимала его лишь как друга, и неожиданно для него вышла замуж за зрелого и состоятельного мужчину, став баронессой Стромейер. Это случилось в 1918 году, и стало для Вилли самым настоящим шоком. Он был однолюбом и не пытался найти утешение у других женщин.

Вилли сосредоточился на учебе: поступил в Высшую техническую школы в Мюнхене, конструировал планеры, участвовал в соревнованиях, занимал призовые места. Его имя постепенно становилось известным, он получал заказы на разработку планеров и зарабатывал на этом хорошие деньги. Все это время баронесса Стромейер внимательно следила за его восходящей конструкторской карьерой, хотя они не виделись и даже не переписывались. И вот они снова неожиданно встретились. Лилли была по-прежнему хороша собой, весела, умна и стройна – ее фигуру не испортили рождение троих детей. Вилли не упрекнул любимую ни единым словом, а она проявила неподдельное желание помогать ему во всем и очень быстро вновь стала для него ближайшим другом и помощником во всех делах. Только теперь эта замужняя дама и мать семейства, имея гораздо более серьезные финансовые и организационные возможности, могла сделать гораздо больше. Он за всю жизнь так и не узнал других женщин: его энергичная и решительная возлюбленная с тех пор, как они встретились вновь, не подпускала их к нему на пушечный выстрел. В лице баронессы Стромейер судьба подарила Вилли не просто нежную и надежную подругу, но настоящего ангела-хранителя.

Лилли спасала и поддерживала его в самые тяжелые моменты жизни, ее суждениям и советам он доверял всегда, и ни разу не пожалел об этом.

Баронесса Лилли фон Стромейер

В 1928 году с ним случилось несчастье: его самолет М-20 потерпел катастрофу, погиб летчик-испытатель. Авиакомпания «Люфтганза» расторгла контракт на постройку двух его самолетов и потребовала вернуть задаток. Спасла его Лилли. Она нашла деньги на постройку новых М-20, которые он успешно продал той же «Люфтганзе», восстановив, таким образом, свои пошатнувшиеся финансовые позиции. Баронесса, не задумываясь, использовала в его интересах свое влияние не только на деловые и финансовые круги, но и на собственного мужа. В том же 1928 году она добилась того, что Отто Стромейер выкупил у государства контрольный пакет акций авиационного завода BFW, расположенного в Баварии, за 400 тысяч рейхсмарок. Это была огромная сумма, денег мужа не хватило, и Лилли собрала недостающую сумму у родственников. Если бы она этого не сделала, завод бы выкупили конкурирующие компании «Альбатрос» и «Хейнкель», и тогда Мессершмитт потерял бы свою независимость.

Баронесса создала идеальные условия для его спокойной творческой деятельности. Ее супруг Отто Стромейер стал председателем нового совета директоров BFW, а Мессершмитт получил пакет акций на 70 тысяч рейхсмарок и пост исполнительного директора компании. Такое не забывается. Разумеется, Отто не мог не знать о близких отношениях своей жены с Мессершмиттом, но и он не позволял себе ни в чем ее упрекнуть: Лилли лучше знать, как поступать.

Идиллия была разрушена не ревностью мужа, а свирепым экономическим кризисом и атмосферой отчаяния, которая воцарилась в Германии. В стране бушевала необузданная инфляция, банки разорялись и уносили за собой в могилу деньги клиентов. Инвесторы уходили с завода, начались неплатежи, кредиторы затеяли процесс банкротства. Крепкие супружеские узы Лилли с Отто не выдержали этого напряжения, и они расстались. Их брак был завершен, но они, все трое, остались добрыми друзьями. А Лилли с тех пор открыто жила с Вилли в гражданском браке. Кроме того, она стала одним из руководителей завода. С тех пор они не только жили, но и работали вместе.

Доктора Мессершмитта привезли на аэродром, где его уже ждал американский двухмоторный самолет «Дуглас». Через несколько часов полета, проведенных им на жесткой скамье этого не приспособленного для комфортной перевозки пассажиров транспортного средства, он оказался в лондонском аэропорте Хитроу. Там уже его ожидала черная легковая машина. Сопровождавшие его офицеры не были настроены давать ему какие-либо пояснения, да он и не пытался их ни о чем спрашивать, положившись на судьбу. Его привезли в какую-то недорогую гостиницу, провели в номер, предложили отдохнуть и принять душ, а потом горничная принесла ему ужин. Такое начало не предвещало ничего страшного. После того, как он поужинал, вновь появилась горничная и забрала посуду, а вместе с нею в номер вошли пять человек, в числе которых был уже знакомый ему полковник британской армии, но Вилли быстро понял, что на этот раз главный здесь не он, а человек в форме полковника армии США. Два полковника сели напротив Мессершмитта, рядом с ними примостился еще один человек, которого позже Вилли определил как француза. Сзади встали два переводчика. Вилли понял, что сейчас начнется допрос.

– Вы доктор Вильгельм Мессершмитт? – спросил американец.

– Да, – односложно ответил Вилли по-немецки.

– Вы член нацистской партии?

– Да.

– С какого года? – спросил француз.

– С 1933-го.

– Кто рекомендовал вас в НСДАП?

– Рудольф Гесс и Тео Кронейс.

– Вы вступили в партию Гитлера согласно своим убеждениям?

– Вы хотите спросить, являюсь ли я убежденным национал-социалистом? Нет.

– Тогда почему вы примкнули к нацистскому движению?

– Я к нему не примыкал.

– Но позвольте! – удивился француз. – Вы же добровольно вступили в партию, да еще по рекомендации самого Гесса, который был вторым в ней человеком.

– Видите ли, – Вилли снял очки и протер их носовым платком, – я в то время почти совсем не интересовался политикой. Все мои мысли занимали только летательные аппараты. У меня была своя фирма «Мессершмитт АГ». Но вы же знаете, что творилось в Веймарской республике! Никакой стабильности, гиперинфляция, кризис за кризисом. А потом к власти пришла НСДАП и навела в экономике порядок. У всех была работа, компании получали госзаказы. Я сам не голосовал за нацистов, я вообще не ходил на выборы.

– Но вы были членом СС, – сказал англичанин

– Нет! – твердо возразил Мессершмитт, – я никогда не был членом этой организации. Просто мой партнер Тео Кронейс в 1932-ом году сам принес мне на завод членский билет

спонсора СС. Он и убедил меня, что благодаря этому я смогу легче получать заказы на разработку новых самолетов от объединенного Министерства авиации, отвечающего одновременно и за авиационную промышленность, и за военно-воздушные силы.

– Но ведь это было еще до 1933-го года. Не так ли? – уточнил француз. – Гитлер еще не пришел к власти.

– Да, но в Министерстве авиации ключевые посты уже занимали видные члены СС и СА. От них зависело, кто получит заказы. И Тео Кронейс намекнул мне, что, к примеру, Хьюго Юнкерс имеет небольшие шансы именно из-за его явной антипатии к нацистскому движению.

– А вы симпатизировали нацистскому движению? – француз так и уперся в него взглядом.

Видимо, он из французского сопротивления, подумал Мессершмитт, или из команды генерала Де Голля.

– Да, я симпатизировал движению, – Вилли выдержал его взгляд, – и могу объяснить почему.

– Объясните!

– Страны-победительницы в Первой мировой войне, ввергли Германию в состояние разрухи и хаоса. Версальский мирный договор был несправедливым и грабительским!

Произнося эти слова, Вилли сурово посмотрел на француза, потом на англичанина. Американец еле заметно усмехнулся.

– Унизили целую страну, – продолжал Мессершмитт, – довели до отчаяния людей. Разве такое может пройти бесследно? Гитлер выходил на трибуну и говорил такие вещи, которые находили отклик в душах немцев, которые Англию и Францию воспринимали как реальных врагов своего отечества. Тем более, все было так плохо в экономике. Да мы были готовы самому дьяволу поверить, лишь бы он нас вывел из этого безнадёжного тупика. И я тогда думал точно так же, господа.

– А что вы думаете теперь? – спросил американский полковник.

– Теперь я думаю, что Гитлер и его окружение обманули немецкий народ и завлекли его в ужасную пропасть, – с горечью сказал Мессершмитт.

– А вы сами разве не были в окружении Гитлера?

– Что вы, я его видел всего несколько раз.

Доктор Мессершмитт замолчал, вспоминая, как он впервые увидел Гитлера. Это было в Мюнхене, в 1930 году. Его друг Тео Кронейс позвал его на выступление лидера партии, которое должно было пройти в одном из городских концертных залов.

Адольф Гитлер в начале 30-х годов

Вся улица перед залом была оцеплена полицейскими. Это свидетельствовало о важности момента. Тео провел Мессершмитта в большой зал, где Рудольф Гесс тепло с ним поздоровался и сказал: *«Скоро нам понадобятся ваши новые скоростные самолеты в больших количествах»*. Гесс был в прошлом военным летчиком, он знал толк в авиации и до сих пор частенько сидел за штурвалом. Всегда вежливый, улыбчивый и доброжелательный Гесс был симпатичен Вилли. На нем была тщательно выглаженная коричневая рубашка и черный галстук, к которому был приколот круглый золотой значок с изображением черной свастики на красном фоне. Свастика была повсюду. По стенам свисали красные флаги с белым кругом посередине, в котором была свастика.

В зале было полно штурмовиков СА. Вилли узнал их руководителя – Эрнста Рема. У него был суровый и торжественный вид. По всему залу были расставлены динамики, из которых доносились бодрые марши. Внезапно музыка прекратилась, свет потух, и через весь зал протянулся белый луч мощного прожектора, который осветил фигуру идущего к трибуне невысокого человека. Он шел твердым солдатским шагом, и в тишине зала отчетливо слышался стук каблуков его сапог. Вилли тогда неожиданно ощутил в своей груди холодок и теснение, а также пробежавшие по обеим рукам до кончиков пальцев мурашки. Просто удивительно, какое воздействие мог оказывать на людей этот человек. Зал взорвался аплодисментами и приветствиями.

Адольф Гитлер стоял в коричневой униформе штурмовика СА, через плечо у него была протянута черная кожаная портупея, а на левом накладном кармане помятой гимнастерки висел Железный крест, полученный им на фронте в Первую мировую войну. На левой руке была красная повязка со свастикой. Некоторое время он молчал, пока зал ревел, потом поднял руку, и все смолкло, как по волшебству. Лидер нацистской партии начал говорить. Поначалу его речь не показалась Мессершмитту особо сильной. Интонация была сдержанная и даже, как будто, доверительная. Пару раз выступающий сбивался на баварский диалект, употребляя неверные обороты речи. Но мало-помалу его голос набирал силу, зазвучали повелительные интонации, лицо постепенно преображалось, черты заострились, глаза засверкали, а правая рука со сжатой в кулак кистью взметнулась вверх. Гитлер рассказывал о первоочередных задачах партии после взятия ею в стране власти, о социальной справедливости, об интересах германского народа, денонсации позорных соглашений Версальского мира,

национализации крупных монополистов, ликвидации безработицы, обеспечении гарантированной пенсии, бесплатном образовании для молодежи. Он говорил, что его партия не потерпит притеснения капиталистами рабочего класса и ликвидирует в зародыше коммунистическую заразу. Его речь была настолько страстной и убежденной, что ему было невозможно не поверить. Зал наэлектризовался, как будто по рядам пустили электрический ток. Вновь по всему телу пошли мурашки, и Вилли неожиданно обнаружил себя кричащим вместе со всеми «Хайль!».

Выступление Гитлера в Мюнхене

Он посмотрел на Кронеиса. Его друг выглядел совершенно счастливым, глаза у него были какие-то шальные, на лбу блестели капельки пота. Когда Вилли вышел на улицу, его долго не отпускало ощущение нервной дрожи во всем теле. *«Ты видел? Ты почувствовал это?»* – то и дело толкал его в бок и повторял Тео. Что и говорить, этот странный некрасивый человек с черными усиками над верхней губой и косой челкой на лбу умел завораживать толпу.

После этого Вилли приходилось не раз встречаться с Гитлером, но он больше не производил на него настолько же сильное впечатление, как тогда, в Мюнхене. В первый раз он с ним встретился лично в 1937 году, когда фюрер с многочисленной свитой, в которую входили государственный секретарь Министерства авиации генерал Мильх и начальник Технического управления того же министерства генерал Удет, приехал к нему на авиационный завод в Аугсбург. Гитлеру показали заводские цеха и готовые самолеты Bf-109.

Мессершмитт чувствовал себя именинником, ведь его «сто девятый» с форсированным мотором установил совсем недавно мировой рекорд скорости – 620 км/ч. Его истребители уже успешно воевали в Испании, великолепно выступили на Международном авиасалоне в Цюрихе и на открытии Олимпийских игр в Берлине.

Вилли тогда шел по заводским цехам и складам плечом к плечу с рейхсканцлером, а вся их свита была на шаг позади. Гитлер внимательно слушал его объяснения, иногда задавая уточняющие вопросы. Он тогда физически ощущал всю важность своей миссии по вооружению военно-воздушных сил возрожденной Германии. После того, как штатный пилот компании продемонстрировал главе государства фигуры высшего пилотажа на новейшем «сто девятом» и четко приземлился на траве, Гитлер пожал Мессершмитту руку и поинтересовался его дальнейшими планами. И тогда Вилли показал ему деревянный макет нового четырехмоторного дальнего бомбардировщика. Это был невиданный самолет, который мог доставлять бомбы весом в одну тонну со скоростью 600 км/ч. Увы! Этому проекту не суждено было реализоваться.

А в последний раз он встречался с Гитлером в июне 1943 года. Его вызвали на беседу в Оберзальцберг. Как потом выяснилось, приказали также явиться Хертелю от компании «Юнкерс», Эрнсту Хейнкелю и Курту Танку от компании «Фокке-Вульф», главному конструктору истребителя FW-190 с мотором воздушного охлаждения. Это был соперник его «сто девятого», и недоброжелатели Мессершмитта всячески превозносили FW-190, добиваясь его производства в ущерб «Густаву». Беседа с Гитлером продолжалась около часа в присутствии адъютанта капитана фон Белова, который курировал вопросы авиации. Фюрер интересовался высотным истребителем Me-209, который так в итоге и не был внедрен в серийное производство. Тогда же он впервые услышал от Мессершмитта о первом в мире реактивном истребителе Me-262, который мог бы надежно прикрыть Германию от разрушительных бомбардировок англо-американской стратегической авиации, и о дальнем бомбардировщике Me-264, который был в состоянии достигнуть Англии и вернуться обратно.

Гитлер выглядел постаревшим и осунувшимся: сказывались физические и психологические перегрузки. Дела на фронтах шли все хуже и хуже. Русские наступали на востоке, англичане теснили в Африке и держали Германию в кольце морской блокады, ресурсов и людей катастрофически не хватало, нескончаемые бомбардировки доводили до отчаяния, а он никому не доверял и пытался почти все вопросы решать лично.

Мессершмитт со временем пришел к выводу, что беда Гитлера в том, что он не умеет эффективно подбирать людей, расставлять их на нужные посты, а потом делегировать им полномочия. Фюрер расплодил множество различных штабов и ведомств, в которых сидели толпы ни за что не отвечавших бездельников. Многие его приказы попросту не выполнялись, скрытый и явный саботаж был повсюду. Вот и тогда он продиктовал фон Белову приказ о том, чтобы были приложены все усилия к продолжению постройки Me-264, но это вовсе не означало, что Мессершмитту действительно дадут возможность достроить этот бомбардировщик. Так оно и случилось.

**

— С кем, кроме Гитлера, из верхушки Рейха вы встречались лично? — задали ему следующий вопрос.

— С Гессом, Герингом, Мильхом.

— А с Геббельсом, Гиммлером, Борманом?

— Никогда! Эти люди не занимались авиацией. Геринг возглавлял Люфтваффе, Мильх курировал все вопросы, связанные с разработкой и внедрением в серийное производство новых самолетов, Гесс сам был летчиком-асом и помогал моей компании еще до прихода к власти НСДАП.

— Вы знали о готовящемся бегстве Рудольфа Гесса в Англию? — спросил британский полковник.

— Как я мог об этом знать?

— Но ведь он улетел на Vf-110 с вашего заводского аэродрома в Аугсбурге!

– Все верно, – кивнул Вилли. – Эта машина была выделена Гессу, она обслуживалась на заводе. Гесс всегда заранее предупреждал о полете. Куда он летал и зачем, никто не знал и не спрашивал. Он же был очень высокопоставленным партийным функционером. В этот день Гесс позвонил мне в 10 утра и заказал полет после обеда. Ему подготовили его машину с дополнительными подвесными топливными баками по 900 литров каждый. Он приехал в 17 часов, одолжил под расписку у штатного пилота летный комбинезон, улетел и больше уже не вернулся.

– Что было потом? – спросил англичанин.

– Потом был шок для всех. Началось разбирательство, и мы не знали, чем вся эта история для нас закончится. Меня вызывал для дачи показаний сам Геринг, и я не был уверен, что вернусь домой.

– Что вам сказал Геринг?

– Он назвал Гесса маньяком и спросил, зачем я дал ему самолет.

– А вы?

– А я назвал Гесса лунатиком и ответил, что не виноват в том, что человек, занимавший такой высокий пост, оказался сумасшедшим.

Все засмеялись: Рудольф Гесс меньше всего был похож на сумасшедшего. Этот человек имел волевое лицо, которое можно было назвать даже красивым, если бы не колючие глаза и чересчур массивный раздвоенный подбородок. Он был личным и самым преданным другом Гитлера, когда-то даже делил с ним на двоих одну камеру. Профессиональный летчик высокого класса, убежденный национал-социалист. Можно ли было предположить, что он предаст своего патрона и ударит к его злейшему врагу Черчиллю? Размышляя над этой историей, Вилли со временем понял, что Гесс не предавал Гитлера. Он полетел в Лондон по его заданию и с тайной миссией. Фюрер хотел заключить мир с Британией накануне нападения на СССР. Что касается Геринга, то он, вполне возможно, ничего об этом не знал. Когда же миссия Гесса провалилась, Гитлеру ничего не оставалось сделать, кроме как объявить его сумасшедшим.

Заместитель фюрера по партии Рудольф Гесс

– Как вы думаете, какова была истинная причина поступка Гесса? – вновь спросил британский полковник.

– Но ведь он у вас сидит за решеткой, а не у меня! – удивился Мессершмитт вопросу. Американец усмехнулся.

– Я полагаю, – продолжал Вилли, – что Гесс был абсолютно нормальным, и что он полетел в Англию на переговоры по секретному заданию самого фюрера. А вы, британцы, упрятали его в тюрьму.

– Ваш друг Гесс, – жестко сказал американец, – равно как Геринг, Мильх и другие нацистские преступники предстанут перед международным трибуналом. Я уверен, что их всех ждет виселица.

– Они мне не друзья, – ответил Вилли, помрачнев, – я был вынужден общаться с этими людьми, потому что они были представителями государства, которое заказывало мои самолеты. Я не политик, я всего лишь ученый, авиаконструктор, и за действия политического руководства своей страны отвечать не могу.

– Но вы осознаете, что ваши самолеты стали инструментом агрессии?

– Я создавал свои истребители не для агрессии! – сверкнул глазами Мессершмитт. – Моей целью было создание самолета для защиты неба Германии. И я был очень огорчен, когда узнал, что мы напали на Польшу. Когда мы присоединили к себе Австрию, Чехословакию и Судеты, это было хотя бы без войны. Я надеялся, что Гитлер остановится на этом. У нас была сильная армия, мощная авиация, мы могли за себя постоять, дать отпор любому агрессору. Но когда по радио объявили о войне с Польшей, я пришел в отчаянье, ведь это означало, что мы развязали новую мировую войну. Но что я мог сделать? Мы все оказались в этой страшной ловушке. Когда же мы напали на Россию, я окончательно понял, что Германия обречена.

– Хорошо, что вы понимаете вину Германии в развязывании войны, – важно сказал британец. – И заметьте, что именно немецкий народ на свободных и демократичных выборах вручил власть над собой Гитлеру и его кровавой банде.

– Так это была ваша месть немецкому народу, когда вы своими дальними бомбардировщиками уничтожали вместе с населением целые города? – глухо спросил Мессершмитт.

– Война есть война! Бомбардировщики Люфтваффе тоже бомбили Англию. Знаете, что они сделали с Ковентри и центром Лондона?

– Знаю, – тихо ответил Вилли. – И про Ковентри, и про Лондон, и про Гамбург, и про Дрезден, где страшной смертью погибли тысячи детей и женщин. Будь проклята эта война, которая превращала людей в кровожадных зверей! Хорошо, что она закончилась. Теперь победители будут судить и казнить побежденных. Фельдмаршал Мильх в ваших руках, или он достался русским?

– Он сдался командиру нашей пехотной дивизии, – ответил американец. – Правда, Мильх выбрал неудачный для этого момент.

– Что это значит?

– Этот полковник только что вернулся после экскурсии в ближайший концлагерь. И тут к нему является Мильх, важный и надутый как индюк, при полном параде и с фельдмаршальским жезлом в руках. Командир схватил его за грудки и, чуть было, не вытряс из него всю душу, а потом вырвал у него из рук жезл и сломал его о фельдмаршальскую голову.

– Этот Мильх немало попил моей крови, – заметил Мессершмитт.

– А я бы на вашем месте поинтересовался, что так расстроило полковника, – сказал американец. – Вот, полюбуйтесь!

Он достал из портфеля пачку фотографий и бросил ее на стол. Это были снимки, сделанные военным корреспондентом в только что освобожденном концлагере. На них были истощенные до последней крайности люди в арестантской одежде, которые стояли возле забора с колючей проволокой, трубы печей крематория, бараки, пулеметные вышки, газовые камеры, дети с выжженными на руках номерами.

– Это был лагерь смерти, – пояснил полковник, наблюдая за реакцией Мессершмитта. – Эсэсовцы тут издевались над несчастными узниками. Людей ежедневно сотнями умерщвляли вот в этих газовых камерах и сжигали в печах вот этого крематория. Тех, кто избежал газовой камеры в день прибытия, медленно убивали голодом и непосильной работой, у детей ежедневно забирали кровь для раненных солдат вермахта и отправляли в печь, когда взять было уже нечего.

– Какой ужас, – прошептал Вилли, рассматривая страшные фотографии. – Теперь я понимаю вашего полковника. Я бы на его месте в этот момент застрелил любого попавшего мне под руку немецкого генерала.

– Неужели вы ничего не знали обо всем этом?

– Нет! – воскликнул Мессершмитт. – Клянусь вам, у нас, простых немцев, не было никакой информации об этих чудовищных преступлениях СС. Министерство пропаганды доктора Геббельса рассказывало нам только о зверствах русских солдат, творимых над несчастным немецким населением.

Мессершмитт выглядел совершенно потрясенным, и полковник решил, что настал удобный момент сделать ему предложение, ради которого его сюда и доставили.

– Я верю вам, господин Мессершмитт, – торжественно сказал полковник, – и от лица всех союзников уполномочен сделать вам официальное предложение.

– Какое предложение? – Вилли рассеянно поднял голову.

– Мы предлагаем вам сотрудничать с нами в качестве консультанта авиационной промышленности. Вы переедете в США, вам будут созданы все условия для работы: у вас будет свой дом, высокий оклад, в перспективе вы сможете возглавить собственное конструкторское бюро. Вы согласны?

– Нет!

– Подумайте хорошенько. В Соединенных штатах вы полностью реализуете свой потенциал ученого. Ваш реактивный Ме-262 – самый передовой в мире истребитель, и вы сможете развивать эту тему дальше. Мы ведь все равно заберем образцы этого самолета и всю техническую документацию.

– Да, конечно, я понимаю.

– Так почему же вы не хотите сотрудничать с нами? Согласие охотно дают многие ваши коллеги-конструкторы и ученые. Например, Липпиш, автор ракетного перехватчика Ме-163, и многие другие.

– Это их дело, – хмуро буркнул Мессершмитт, – а я никуда не уеду из Германии. Я останусь в своей стране.

– В разбомбленной, уничтоженной, униженной стране? Подумайте, какое будущее вас в ней ждет.

– Будь, что будет!

– Хорошо! – полковник встал и подошел к окну, заложил руки за спину. – Вас, разумеется, никто не увезет в Соединенные Штаты насильно. Но учтите, что вы можете быть привлечены к суду, и мы не сможем защитить вас от преследования.

– За что?

– За использование рабского труда заключенных на ваших заводах, за проводимые над людьми опыты.

– Никаких опытов над людьми я не проводил, – резко возразил Мессершмитт. – А что касается заключенных, то если они и попадали на мои заводы, это было для них счастьем. В этом я еще раз убедился, посмотрев ваши фотографии. Впрочем, я готов ответить на любые вопросы следственным органам оккупационных властей.

– Ну, хорошо, хорошо, – примирительно сказал полковник, который никак не ожидал, что этот высоколобый ученый окажется настолько крепким орешком. – Скорее всего, вам придется выступать на суде как свидетелю по делам Геринга и Мильха.

– Я готов давать показания в суде честно и беспристрастно, – пожал плечами Вилли, – выгораживать кого-либо я не намерен. Пусть каждый отвечает за себя и получает то, что заслужил.

– Вот и отлично! – Полковник подошел к столу и начал собирать в портфель бумаги. – Завтра утром вас отвезут обратно. Подумайте еще раз над нашим предложением, оно пока остается в силе. Я думаю, это был не последний наш разговор.

Вилли возвращался рано утром на точно таком же «Дугласе». Он сидел на жесткой скамье, расположенной вдоль борта фюзеляжа, посматривал в иллюминатор и вспоминал детали вчерашнего разговора. Американцы, конечно, могут ему предоставить прекрасные условия для работы и сытую безбедную жизнь. Но работать на американцев или англичан после тех чудовищных бомбардировок, которым они подвергали города Германии, он не мог. Это ему казалось предательством и кощунством над памятью тех сотен тысяч погибших людей, которые не были солдатами, но которых, тем не менее, целеустремленно и цинично уничтожали с особой жестокостью.

Зачем англосаксы бомбили зажигательными бомбами густонаселенные города, нарочно вызывая огненные смерчи? Вилли не мог этого понять. Они объявляют нацистов исчадьями ада, проклинают их за жестокость и военные преступления, но при этом сами творили самые настоящие военные преступления. Он, конечно, слышал про концепцию Дуэ, согласно которой войну можно выиграть стратегическими бомбардировками. По его представлениям это означало, что бомбить необходимо промышленные объекты: военные заводы, фабрики, нефтепромыслы, угольные шахты, заводы по производству синтетического горючего, но уж никак не жилые кварталы. Такие действия можно объяснить только одержимостью в стремлении уничтожить немецкий народ. То, что в 1933 году власть в Германии захватили преступники, ему было совершенно ясно. Правда была и в том, что произошло это в результате свободных демократических выборов. Но разве это может служить основанием для геноцида населения?

Он не мог им всего этого сказать, чтобы не злить победителей, которые элементарно могли уничтожить его вместе со всей семьей. Но если бы не страх за близких людей, он бы сказал им, что ненавидит англосаксов за огромное зло, которое они причинили его Родине. Именно их спесь и жадность, огромные репарации и аннексии, стремление унижить Германию после ее поражения в Первой мировой войне довели народ до отчаяния и в конечном итоге привели к власти политических экстремистов. Если бы Германию пощадили тогда, не было бы и новой войны. Неужели так трудно понять, что великую нацию нельзя унижать? А немцы – великая нация, также как французы, англичане и русские.

Вспомнив о русских, Вилли подумал, что нападение на Россию было самой трагической ошибкой Гитлера. Ведь еще Бисмарк предупреждал, что Германии ни в коем случае нельзя воевать против России с ее бескрайними просторами, колоссальными ресурсами, военно-промышленным потенциалом и огромным по численности сильным народом. Как он мог решиться на это, уже имея войну с Англией, за спиной которой маячили Соединенные Штаты? Впрочем, его друг Тео Кронейс по секрету рассказывал ему, что Геринг был категорически против нападения на СССР. А когда этот вопрос был окончательно решен, рейхсмаршал выглядел подавленным и растерянным. Гитлер ему якобы сказал, что не имеет другого выхода, кроме превентивного удара по советским войскам, которые в огромном количестве сконцентрировались у границ с Германией. Неужели он всерьез рассчитывал справиться с русским медведем?

Впервые Мессершмитт увидел русских в Баварии, когда там была беспокойная политическая обстановка, и из Москвы приехали большевистские эмиссары, чтобы установить советскую власть. Держались эти красные очень нагло и вызывающе, пытались посеять в стране хаос, натравить одни слои населения на другие. К счастью, они получили отпор и убралась восвояси. С тех пор Вилли терпеть не мог коммунистов. Что же касается русских вообще, его друзья из НСДАП объяснили ему, что русский народ является скорее жертвой, чем апологетом коммунизма, который ему силой насаждали большевики-евреи, что практически вся большевистская верхушка имела еврейское происхождение, как и сам их идол – основатель коммунистической доктрины – Карл Маркс. Новый большевистский вождь Ста-

лин, хоть и является грузином, женат якобы на родной сестре своего соратника-еврея Кагановича. В общем, русские вплоть до начала войны с СССР, не объявлялись пропагандой врагами, и многие из них очень неплохо устроились в Рейхе. Работали они и на заводах Мессершмитта, и он был ими вполне доволен. Что же касается русских из Советов, ему впервые пришлось довольно плотно пообщаться с ними в 1939 году, когда на его завод в Аугсбург приезжала советская делегация, в состав которой входили авиаконструкторы Николай Поликарпов и Александр Яковлев.

Имя первого из них ему уже было хорошо знакомо. Именно его короткие и тупоносые, не слишком быстрые, но чрезвычайно маневренные истребители И-16, которых в Люфтваффе прозвали «крысами», так досаждали в Испании немецким летчикам из легиона «Кондор» до тех пор, пока туда не прибыли его первые Bf-109 и не переломили ход событий.

Русские тогда пробыли в Германии около месяца, и им показали очень много: заводы авиастроительных компаний «Мессершмитт», «Хейнкель», «Юнкерс», «Фокке-Вульф», «Фосс», «Блюм», «Дорнье» и «Арадо, моторостроительные заводы, приборостроительные предприятия, оружейные заводы «Маузер», подземные производства. Им даже позволили проникнуть в авиационный НИИ в Геттингене и осмотреть огромную вертикальную аэродинамическую трубу, в которой продувались модели самолетов. Советских специалистов иногда лично сопровождал сам Геринг. Русским еще и продали 12 его «сто девярых» различных модификаций. Нет сомнений, что если бы в СССР тогда видели врага, им бы не продали новейшие истребители, изучив которые Яковлев сумел создать свой фронтовой истребитель Як-1. В этом человеке, в лице и движениях которого было что-то от умного и грациозного хищного зверя, Вилли сразу распознал отличного профессионала в своем деле.

Советский авиаконструктор Николай Поликарпов

Второй раз русские приехали через год. Поликарпова в составе закупочной комиссии уже не было, а вот Яковлев был, и держался он еще более самоуверенно. Тогда Вилли понял, что получит в лице этого сталинского фаворита достойного соперника. Была бы его воля, русским бы не продавали Bf-109, хоть они и платили очень хорошие деньги. Яковлев ему мило улыбался и говорил комплименты, но при этом внимательно все осматривал своим цепким взглядом, как будто фотографировал, и задавал толковые вопросы. Мессершмитт ему отвечал и показывал все, что он просил. Таково было указание свыше. Позднее Яковлев, как докладывала разведка, устроил на своих заводах, производящих фронтовые истребители «Як», многое по образу и подобию заводов Мессершмитта. Тот же порядок в производственных помещениях, пунктуальность, строгий режим, четкость в доставке комплектующих, рабочие и технологи в чистой спецодежде.

Советский авиаконструктор Александр Яковлев

Их соревнование с Яковлевым длилось все четыре года войны с Россией. К июню 1941-го в русские войска уже поступили истребители Як-1, которые могли на равных драться с его «сто девятыми» серии «Е», но уступали машинам серии «F». А в дальнейшем Яковлев и Мессершмитт исправно выпускали все новые модификации своих самолетов, повышая скорость и увеличивая мощь вооружения. Затем к этому соревнованию подключились Курт Танк с немецкой стороны со своим истребителем «FW-190» и Семен Лавочкин с советской стороны со своими мощными и хорошо вооруженными истребителями Ла-5, а затем и Ла-7. Конечно, эти два конструктора работали и раньше. «Сто девяностый» был еще довоенной разработкой, но долгое время рассматривался в Люфтваффе как запасной вариант к Me-109, а Ла-5 был создан в 1942 году на базе русского тяжелого истребителя ЛаГГ-3, который тоже был довоенной разработкой Лавочкина. Считалось, что Мессершмитт соревнуется с Яковлевым, а Курт Танк – с Лавочкиным. Их машины – FW-190 и Ла-5 – даже внешне были похожи по той причине, что на обеих были установлены звездообразные двигатели с воздушным охлаждением, в то время как Мессершмитт и Яковлев остались верны рядным двигателям с жидкостным охлаждением.

Кто в итоге победил в этом соревновании, однозначно сказать трудно. Русские Ла-7 и Як-3 в конце войны уже, как правило, побеждали и «Густава» и FW-190. «Сто девятый» перестал быть господином неба, как это было в Испании и в России в 1941 году. Но его ли, Мессершмитта, в том вина? Пока русские были заняты доведением до совер-

шенства своих поршневых самолетов, он смотрел вперед и проектировал самолеты реактивные, и в этом Мессершмитту не было равных. Но все же он отдавал себе отчет, что именно Me-109 сделал его знаменитым на весь мир, и именно с ним в первую очередь будут связывать его имя будущие историки Второй мировой войны.

Вилли смотрел из иллюминатора на проплывавшие под крылом редкие кучевые облака и вспоминал о том, как появился на свет «сто девятый». Этот одномоторный воздушный хищник родился, конечно же, не на пустом месте. Его предшественником был туристский самолет Bf-108, получивший множество хвалебных отзывов мировой прессы, и не напрасно. Это была самая скоростная и экономичная машина в своем классе, что и было продемонстрировано на международных соревнованиях 1934 года в Польше. Все основные аэродинамические решения, использованные при проектировании «сто девятого» уже были воплощены в «сто восьмом», который мог перевозить трех пассажиров. Более того, на Bf-108 знаменитая, несмотря на свою молодость, немецкая летчица Элли Бейнхорн совершила беспосадочный дальний перелет из Берлина в Стамбул и обратно. А это более 3,5 тысяч километров. Элли была в восторге от своей машины, которой она дала имя «Тайфун». Приобрел себе эту машину и Рудольф Гесс. Вилли было совершенно очевидно, что на базе «Тайфуна» получится лучший в мире истребитель. Сам же «Тайфун» стал со временем использоваться в авиации связи, использовался он и как тренировочный самолет для будущих летчиков-истребителей, поскольку его приборная доска, рычаги управления и характеристики управляемости были очень близки к «сто девятому».

Bf-108 «Тайфун»

Эти прекрасные машины были проданы в Испанию, Японию, Венгрию, Югославию, Швейцарию, Болгарию, и даже в Советский Союз. Понятно, что пассажиры истребителю будут не нужны, поэтому освободившееся место можно использовать для дополнительных топливных баков, необходимы также другие изменения конструкции. Истребитель будет значительно тяжелее за счет пулеметов с боекомплектом и более мощного мотора, потому его надо делать максимально компактным и узким. Пусть пилоту будет тесно в кабине, но зато уменьшится лобовое сопротивление воздуха, а значит, вырастет скорость. Вилли примерно представлял себе, каким будет его истребитель, и знал, что он может его сделать лучше, чем его конкуренты – компании «Хейнкель», «Фокке-Вульф» и «Арадо», но его старый недруг Эрхард Мильх сделал все, чтобы он не получил заказ Министерства авиации на разработку истребителя. У них были старые счеты. Все началось с серии ужасных катастроф его пассажирского самолета M-20 в начале тридцатых, в которых погибло несколько друзей Мильха, после чего он буквально возненавидел Мессершмитта. Сейчас Вилли переделнуло, когда он вспомнил про этого человека, испортившего ему немало нервов. Даже

на совещании у благоволившего Мессершмитту фюрера Мильх не мог удержаться от язвительных замечаний в его адрес.

Фельдмаршал Эрхард Мильх

Вот и тогда, в марте 1934-го, Вилли совершенно случайно узнал от одного знакомого офицера из Технического Управления Министерства авиации, что техническое задание на новый истребитель проклятый Мильх уже разослал его конкурентам, а его, Мессершмитта, проигнорировал самым возмутительным образом. Когда он рассказал об этом Лилли, она пришла в ярость и потребовала, чтобы он немедленно позвонил Гессу. Вилли так и сделал. В разговоре с ним Рудольф Гесс был доброжелателен и спокоен. Он сказал, чтобы Мессершмитт не беспокоился, и пообещал, что сделает все возможное, чтобы восстановить попорченную справедливость. И буквально на следующий день Вилли позвонили на завод из Министерства авиации и пригласили его приехать в Берлин. Гесс, действительно, все уладил. С Мессершмиттом говорили подчеркнуто вежливо.

– Мы уже выдали трем авиастроительным компаниям контракты на разработку нового истребителя, – сказал ему начальник Технического управления, – и хотели бы выдать еще один вам.

Сам Мильх и не подумал удостоить авиаконструктора личной встречей. Мессершмитт не выразил какой-либо готовности или радости от этого предложения. Он сказал, что ему нужно три дня для ознакомления с техническим заданием, после чего он решит, стоит ли ему браться за этот заказ. Просто поразительно было, какие бездари и невежды сидели в Мини-

стерстве авиации. И Вилли подозревал, что не только там, а по всему государственному аппарату расплодились некомпетентные бюрократы, которые подменяли дело бессмысленным бумаготворчеством и пустой говорильней об интересах Рейха и верности фюреру. Между тем, спроектированный по их требованиям истребитель не смог бы даже сбивать разрабатываемые во всех странах мира высокоскоростные и хорошо вооруженные бомбардировщики, не говоря уже о том, чтобы успешно вести воздушный бой с новейшими истребителями. Нет, Вилли не собирался играть по правилам этих, с позволения сказать, специалистов, которым он в своей фирме не доверил бы даже заточку чертежных карандашей. Ровно через три дня он вновь появился в Министерстве и решительно заявил оторопевшим чиновникам, что разработанные ими требования никуда не годятся. В результате произошел конфликт, в котором ни одна сторона не хотела уступать своих позиций. Разрешить его помог начальник Штаба Люфтваффе генерал Вефер. В результате Мессершмитта оставили в покое и позволили ему сделать то, что он считает нужным.

Он привез контракт в свое Проектное бюро и вместе со своим ближайшим помощником Робертом Люссером начал напряженную работу над самолетом, которому суждено было прославить имя своего главного создателя. Совершенно очевидно было, что новый истребитель будет представлять собой цельнометаллический низкоплан, т.е. крылья будут расположены под фюзеляжем. Самолет будет оснащен мощным V-образным перевернутым мотором жидкостного охлаждения, закрытой кабиной пилота и убирающимся шасси. Кроме того, он должен быть простым в управлении, неприхотливым в обслуживании и ремонте, технологичным в массовом производстве.

Генерал-лейтенант авиации Вальтер Вефер

Доктор Мессершмитт всегда был сторонником наиболее простых решений. Он был убежден, что все гениальное просто, а краткость – сестра таланта. Основной заботой главного конструктора было максимальное снижение веса и лобового сопротивления воздуха, которое можно было достигнуть узостью фюзеляжа и хорошей обтекаемостью контуров нового самолета. Все это необходимо было для достижения высоких скоростей. Ему, да уже и многим другим, было совершенно ясно, что главное для истребителя – это скорость, пусть

и в ущерб маневренности. Понятно, что тихоходный биплан будет маневреннее скоростного моноплана, но это ему в воздушном бою поможет мало. Тактика истребителей будет основана на высокой скорости и скороподъемности, а также на большой огневой мощи. У Мессершмитта была хорошая команда, в которой роль первой скрипки выполнял Роберт Люссер. Это был очень толковый и грамотный специалист, который подбирал в свое Проектное бюро хороших инженеров. Вилли определял основные характеристики самолета, делал наброски, давал своим специалистам задания и контролировал ход выполнения работ. Ему не было нужды выполнять всю черновую работу, потому что он, в отличие от фюрера, умел подбирать правильных людей и делегировать им полномочия. Мессершмитт мог позволить себе, не беспокоясь о неотложных рутинных делах, размышлять в тиши кабинета о том, куда им двигаться дальше, и какие проблемы могут встретиться на их пути. Благодаря этому он всегда смотрел дальше и своих конкурентов, и членов своей команды. Он был не из тех людей, которые умеют лишь реагировать на возникающие проблемы. Его активная позиция пытливого исследователя помогала ему предупреждать будущие проблемы в самом зародыше.

Уже в мае 1934 года был готов первый большой деревянный макет нового истребителя. Фюзеляж длинный и узкий, плавно сужается в киль, закрытая кабина пилота немного возвышается над ним таким горбом, но тут уж ничего не поделаешь. Обзор из кабины пилота оставляет желать лучшего, но зато самолет будет послушен малейшим движениям рулей. Вооружение – два пулемета калибра 7,9 мм, которые находятся под капотом над двигателем. Приезжали представители заказчика, облазали весь макет, с немецкой педантичностью написали обширный перечень несущественных замечаний и уехали обратно в Берлин. Вилли понял, что в этой гонке он лидер. Главным его соперником был, конечно же, Эрнст Хейнкель.

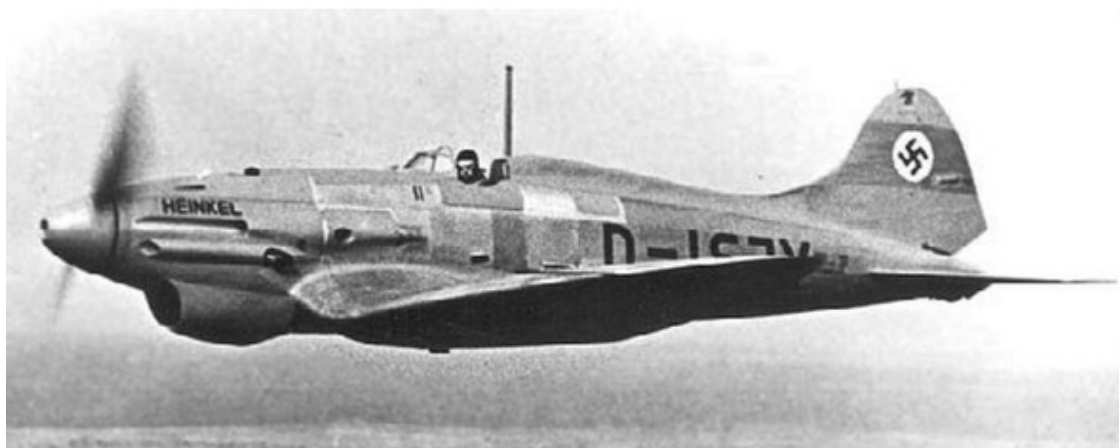
Эрнст Хейнкель

В напряженной работе прошло лето и начало осени, и вот уже в октябре 1934-го был готов новый, уточненный макет. Теперь самолет получил третий пулемет, установленный в развале цилиндров и стреляющий через кок воздушного винта. В декабре приступили к сборке первого летающего экземпляра Bf-109 V-1. Казалось, что скоро уже все будет хорошо, но беда пришла, откуда не ждали: подвели немецкие конструкторы моторов. В то время Германия отставала от Англии в разработке авиационных моторов. Неожиданно выручили... англичане. Фирма «Ролс-Ройс» поставила Хейнкелю за его самолет He-70 два своих

мотора «Кестрел» мощностью 690 л. с. Один из них достался Мессершмитту, другой – Юнкерсу для установки на пикирующий бомбардировщик Ю-87. Потом, конечно, британские моторы были заменены на немецкие Юмо-210 и Даймлер-Бенц 601А. Как же британцы впоследствии раскаивались в том, что помогли немцам своими моторами! Но дело было сделано. Теперь уже оставалось совсем немного до появления на свет красивого, стремительного, изящного и чрезвычайно опасного воздушного хищника.

О чем думал Вилли в то напряженное время, когда постепенно появлялся на свет его истребитель, которому он отдавал всю свою нервную энергию, все интеллектуальные и душевные силы? Он искренне верил, что его «сто девятый» надежно закроет небо Германии и защитит страну от незваных гостей, несущих ей на своих крыльях смерть и разрушения. Вилли не солгал американцу, когда сказал, что создавал свой самолет не для агрессии. Намерения его тогда были, действительно, благими. А о том, какую дорогу и куда ведущую они обычно вымощивают, он в то время еще не задумывался.

Истребитель был построен, и на испытаниях, которые состоялись 12 декабря 1935 года, второй опытный экземпляр показал прекрасные результаты. А что же его конкуренты – компании «Фокке-Вульф», «Хейнкель» и «Арадо»? Разумеется, они тоже не дремали, но двое из них в этом соревновании Мессершмитту проиграли по всем статьям. Опытный экземпляр «Фокке-Вульф-159» был спроектирован по схеме высокоплана с подкосом. А значит, заведомо проигрывал «сто девятому» в скорости. Кроме того, он разбился в первом же испытательном полете да так, что не подлежал восстановлению. Самолет «Арадо» имел неубирающиеся шасси. Такой атавизм сразу же обрекал его на незавидную роль аутсайдера. Так что эти двое были «сто девятому» не соперники. А вот He-112 V-1 компании «Хейнкель» оказался хорош. И неудивительно: Эрнст Хейнкель был авиаконструктором экстра-класса. Именно с этой машиной предстояло помериться силами на государственных испытаниях любимому детищу Вилли Мессершмитта.

Истребитель He-112

26 февраля 1936 года на авиабазе в Травемюнде начались пятидневные сравнительные испытания истребителей Мессершмитта и Хейнкеля. Большая и представительная комиссия из военных и гражданских экспертов в области авиации оценивала самолеты по многим характеристикам. Они летали на обеих машинах и устраивали условные воздушные бои. Вердикт комиссии был единодушным: Bf-109 лучше, чем He-112. Именно его истребитель должен стать основным защитником немецкого неба. Теперь не будет проблем с заказами, а значит, и с финансами. Более того, ресурсы Рейха будут к услугам Вилли Мессершмитта. Военно-воздушным силам нужны его самолеты. Их нужно так много, что мощностей завода в Аугсбурге не хватает. Его друг Тео нашел отличное место для нового завода в Регенсбурге

и руководит его постройкой, там будет учреждена его дочерняя компания Flugzeugwerke GmbH.

Вся страна превратилась в гигантскую стройку. Безработицы больше нет, как и обещал Гитлер. Наоборот, трудовых ресурсов не хватает. Огромные государственные деньги вкладываются в военную промышленность, рейхсмаршал Геринг наделен по отношению к ней диктаторскими полномочиями. Теперь все подчинено интересам предстоящей большой войны, войны-реванша за версальское унижение Германии. Перевооружается армия, строятся военные корабли и, конечно, боевые самолеты. Кроме его «сто девятого», запускаются в серию пикировщики Хеншель-123 и Ю-87 (знаменитые «штуки»), двухмоторные бомбардировщики Ю-88, строятся и опытные дальние четырехмоторные бомбардировщики Ю-89.

Едва было принято решение о принятии на вооружение Вf-109, его фирма получила заказ на 500 истребителей. Вилли поначалу пришел от этой новости в ужас: сразу такой огромный заказ, когда самолет еще не прошел испытаний в войсках. Но его друг Тео объяснил ему, что времени на раскачку нет – англичане уже запускают в серию свои новейшие истребители «Харрикейн» и «Спитфайр». Надо выпускать то, что есть, и на ходу модифицировать самолет на основе последних данных об опытной эксплуатации. Его завод в Аугсбурге расширяется – строятся новые корпуса, склады и ангары для предполетной подготовки самолетов. Не забывает Вилли и о своих сотрудниках: для рабочих компания строит трехэтажные многоквартирные дома, а для инженеров и технологов – целый поселок семейных коттеджей. Хотя завод и расширяется, его производственных мощностей все равно не хватит, и «сто девятое» обяжут выпускать по лицензии компании «Физлер», «Фокке-Вульф» и «ЭРЛА». Это ли не триумф Мессершмитта в его борьбе с конкурентами?

Первый серийный Вf-109 В-1

Первые шесть серийных Вf-109 В-1 были собраны и облетаны в Аугсбурге в конце 1936 года. Эти самолеты получили прозвище «Берта». В дальнейшем самолеты новых серий так и получали у военных клички по буквам серии. После Берта появились Цезари, затем Доры, Эмили, Фридрихи, Густавы и, наконец, самая совершенная серия «К» – Курфюрсты. Но это все было потом, а пока первые Берты должны были получить обкатку в условиях реальных боевых действий и померяться силами в небе Испании с русскими истребителями И-16 конструкции Николая Поликарпова. Когда Вилли впервые услышал об этом от Тео, который был вхож к Герингу, он не поверил своим ушам. Послать «сырые» самолеты на фронт, да еще в другую страну! Мыслимое ли это дело? Мало ли какие дефекты могут еще

всплыть, причем не в учебных полетах, а в условиях реального воздушного боя! Кого будут обвинять в гибели боевых летчиков? Его, Мессершмитта! Скажут – недоработал, недосмотрел... да проклятый Мильх сожрет его после этого со всеми потрохами! Но Тео был спокоен.

– Не паникуй, – сказал он, – все в порядке.

– Какое там, в порядке! – возразил Мессершмит, обхватив руками голову. – А если что случится?

Тео сел в кресло и, не спеша, закурил сигару.

– Все понимают, что самолет еще «сырой», – сказал он, выпуская колечки ароматного дыма, – но зато у нас есть уникальная возможность проверить его в боевых условиях.

В его словах был здравый смысл, и Вилли немного успокоился.

– Сперва мы пошлем в Испанию только три машины, – продолжал Тео. – Там, на месте, их будут обслуживать наши инженеры. На боевых вылетах наши «сто девятые» будут прикрываться большими количеством бипланов «Фиат». Отчеты о поведении самолетов в воздухе мы будем получать немедленно в Берлин. Так чем же ты недоволен?

– А если крупные поломки?

– Ну, так что ж! Испания от нас находится не так уж далеко. Мы всегда можем организовать воздушный мост и поставлять на транспортниках в Севилью запчасти и вообще все, что понадобится.

Вилли окончательно понял, что Тео прав, и лучших условий опытной эксплуатации для его машин трудно было придумать. И вообще это очень заманчиво – сразиться в воздухе с юркими тупоносыми И-16, «крысами», как их прозвали немецкие летчики. Высокая скорость «сто девятого» должна была обеспечить ему преимущество в бою с русскими истребителями.

Советский истребитель И-16

В декабре 1936 года 88-й истребительный полк добровольческого легиона «Кондор» получил три первых истребителя Vф-109В. Лейтенант Траутлофт поднял одного из них в воздух и сразу же был покорен его послушностью в управлении. Конечно, всплыло много скрытых дефектов первых «Берт», но, все же, произошло главное – его самолет приняли в войсках, а в январе 1937 года Траутлофт сбил на нем свою первую «крысу». Прикрывая транспортники Ю-52, он увидел тройку покрашенных в серый цвет республиканских истребителей, которые крались на малой высоте, чтобы внезапно атаковать «юнкерса» снизу в живот. Траутлофт набрал высоту, разогнался и по большой пологой дуге зашел со стороны солнца к ним в заднюю полусферу. Атака была столь неожиданной и стремительной, что пилот И-16 ничего не успел ни осознать, ни предпринять. Вражеский самолет разлетелся на горящие куски.

Обкатку в горячем испанском небе прошло 130 истребителей Vф-109, но лишь 21 из них был потерян в воздушных боях. Вилли осознавал, что именно благодаря его «сто девятым» произошел коренной перелом в противостоянии республиканцев и франкистов в воздухе, и был немало этому рад. Он не любил «красных», которые, получив власть, устроили в Испании хаос и террор, привели ее к экономической катастрофе. В стране происходили грабежи и массовые зверские убийства, «красные» сжигали церкви вместе со священниками и прихожанами. Во имя какой-то мифической высшей справедливости они отнимали у людей их собственность, зачастую вместе с жизнями. Кто-то должен был положить конец этой кровавой вакханалии, и это сделали военные. Одержав победу, генерал Франко перестрелял и перевешал наиболее активно зверствовавших «красных», менее виновных посадил для перевоспитания в тюрьмы, и в истерзанной стране воцарились мир и спокойствие.

Генерал Франсиско Франко

Вилли считал, что решение Гитлера помочь Франко было правильным. Но вот потом... Что и зачем натворил потом этот человек, который всегда был с ним так приветлив в общении, любил обсуждать с ним перспективы развития авиации и называл его «мой дорогой Мессершмитт»? Откуда в нем была эта неутолимая жажда захвата новых территорий, подчинения и уничтожения целых народов? Зачем было истреблять евреев, которые верой и правдой служили Германии и считали ее своей Родиной? Зачем было захватывать Европу, начинать войну с Англией и подставлять под удар собственные города? Сейчас, сидя в «Дугласе», Вилли не находил ответа на эти вопросы. Может быть, нацистское государство в принципе не может существовать без войны? Но пример Испании доказывает обратное: диктатор Франко не ввязался в новую мировую войну, и бомбы на Мадрид больше не падали.

В последнее время он часто думал о Гитлере. Как могло получиться, что этот одержимый человек получил в свои руки и сумел направить могучую энергию и огромный интеллектуальный потенциал великой нации на злое дело и разрушительный путь? Сколько умных трудолюбивых старательных и талантливых немцев, в том числе и он, Мессершмитт, позволили этому, в общем-то, недалекому человеку оседлать их талант и использовать его в ужасных целях? В чем был секрет его влияния на людей? Все дело в том, решил для себя Мессершмитт, что Гитлер был искренним и чистосердечным в своем злодействе. Он, действительно, верил в то, что говорил. А ему верили, потому что он олицетворял собой ту темную сторону германской натуры, которая подспудно была убеждена в своей исключительности, превосходстве над другими народами и в своем праве властвовать над ними. Гитлер был живым сгустком этой темной энергии, таким мистером Хайдом униженной, но сильной и гордой нации. Он говорил немцам об их величии, а они за это возвели его на пьедестал. После этого они стали ему поклоняться и... превратились в его рабов.

Это сравнение Гитлера с мистером Хайдом пришло Вилли в голову, когда он прочитал мистическую повесть Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда». По сюжету этой повести ученый по имени Джекилл создал некое снадобье. Выпивая его, он превращался в мистера Хайда, который концентрировал в себе все самое отвратительное и злое, что скрывалось и подавлялось внутри сознания респектабельного английского джентльмена. Слово «hide» в английском языке обозначает «скрытый». Вот мистер Хайд и был тем обычно скрытым, но освобожденным от оков разума и совести Джекилла «чистым» злом, без примеси. Он творил ужасные вещи и в итоге погубил самого доктора. Так и Гитлер навлек на немецкий народ страшный гнев других, более сильных народов. И покатила с востока огромная и неумолимая, лязгающая гусеницами танков и изрыгающая огонь лавина русских войск, и растеклись огненной лавой в небе Германии тысячи тяжелых бомбардировщиков, превращая в дымящиеся руины немецкие города, которые сверху во время ночных бомбардировок выглядели, как жуткое море огня.

Разрушенный Гамбург после налета англо-американской авиации

Противовоздушная оборона Рейха, в которую входили ночные истребители генерала Каммхубера, не могла заставить англичан и американцев платить слишком высокую цену за эти налеты. Но они сражались, эти ребята, как герои, дрались храбро, отправляя к земле при каждом налете десятки вражеских бомбардировщиков. И основной боевой машиной защитников ночного неба Германии был его тяжелый истребитель Me-110, которому он отдал огромное количество своих нервов и сил.

Его самолеты были для него, как дети. Мессершмитт всегда считал, что истинный художник относится к своим творениям, как хороший родитель относится к своим детям. Для писателя это его книги, для архитектора – здания, для живописца – картины, а для авиаконструктора – его летательные аппараты. И этот добротный транспортный самолет, который, нутужно гудя моторами, переносил его сейчас через Ла-Манш, тоже чье-то выстраданное детище. Слава богу, подумал Вилли, «Дуглас» – машина надежная, и боевые действия над проливом больше не ведутся. От самого момента рождения замысла, воплощенного в наброски, и до запуска в серийное производство новой крылатой машины конструктор переживает богатейшую гамму связанных с нею чувств. Тут и надежда, и отчаяние, честолюбивые мечты, и разочарования, радость открытий и упрямое желание непременно докопаться до сути проблем, которых так много возникает на тернистом пути создания нового самолета. Me-110 был его гордостью и любимым «ребенком».

Идея дальнего истребителя, который мог бы перехватывать вражеские бомбардировщики на отдаленных рубежах, а также сопровождать свои стратегические бомбардировщики, родилась еще в 1934 году. Bf-109 для этих целей не годился: слишком короткий у него был радиус действия. Тут нужна была машина, которая может взять вдвое больше топлива. Поначалу напрашивался вариант укрупненного «сто девятого». Однако более массивный самолет требовал и более мощных двигателей, поэтому пришлось в дополнение к основному двигателю в фюзеляже снабдить его еще двумя моторами, подвешенными под крыльями в мотогондолах. В результате тяжелый истребитель стал смахивать на бомбардировщика. Это сходство еще более усилилось, когда самолет снабдили местом для стрелка-радиста

с оборонительным пулеметом, внутренней подвеской бомб и двухместной кабиной экипажа. Вместо одного киля самолет после долгих колебаний конструкторов был снабжен раздвоенным килем с двумя шайбами на концах, чтобы стрелок-радист мог беспрепятственно вести огонь назад. Благодаря раздвоенному хвосту, во время войны с СССР его «сто десятый» часто путали в воздухе с русским пикировщиком Пе-2 конструкции Петлякова. В носовой части фюзеляжа Вилли решил установить целую батарею из шести неподвижных пулеметов. Когда дело дошло до серийного выпуска, самолет был вооружен четырьмя пулеметами в носу, двумя авиационными пушками калибра 20 мм и подвижным пулеметом стрелка-радиста для защиты от истребителей врага задней полусферы.

Тяжелый истребитель Me-110

В результате получился уже не просто истребитель, а дальний истребитель-бомбардировщик, который мог выполнять функции разведчика и перехватчика. Министерство авиации заказало семь его первых предсерийных экземпляров, когда рабочие чертежи ушли в производство, а уже в мае 1936 года штатный пилот завода поднял в воздух первый готовый самолет, который вел себя отлично. Так на свет появился Vf-110, который позднее получил наименование Me-110, когда было решено, что все немецкие самолеты будут именоваться по первым буквам фамилий их создателей. Аналогично и Vf-109 стал называться Me-109. «Сто десятый» был в целом удачным и эффективным самолетом, если его использовали по назначению. Он был хорош в борьбе против бомбардировщиков и, особенно, в качестве ночного истребителя, когда его в кромешной тьме наводили на английский «бомбер» наземный и бортовой радары. Тут его огромная огневая мощь и большой запас топлива были очень кстати. Более пятидесяти модификаций было у этой машины, и Вилли гордился тем, что именно его Me-110 стал основным защитником немецких городов от англо-американских воздушных террористов. А вот в качестве дальнего истребителя сопровождения во время воздушной битвы с Англией он оказался куда менее эффективным, поскольку драться на равных с более быстрыми и маневренными «спитфайрами» не мог. Тут был нужен его «старший брат» – Me-109. Но тот, увы, так далеко залететь не мог. В результате «сто десятые» не могли толком защитить от английских истребителей не только сопровождаемые ими «юнкерсы», но и самих себя. Потери были очень большими, и в целом «Битва за Англию» была немцами проиграна.

«Дуглас» продолжал лететь через Ла-Манш, который стал когда-то ареной массовых и жестоких воздушных схваток между британскими и немецкими летчиками. Мощные двигатели работали ровно. Глядя на пропеллер самолета, его важный пассажир заметил,

как вдали прошла пара «спитфайров» и нырнула в облака. Теперь повсюду в небе лишь «спитфайры», «харрикейны», «мустанги», «аэрокобры», «боинги», «яковлевы», «ильюшины», «петляковы», «туполевы» и «лавочкины»... Не летают больше «мессершмитты», «юнкерсы», «дорнье» и «фоке-вульфы». Безвозвратно ушло время немецкого господства в воздухе, к которому он приложил свою руку. Вспомнив кратковременную, но жестокую воздушную войну с Британией, Вилли подумал, что это было первое по-настоящему жесткое сопротивление, которое встретило Люфтваффе после серии блестящих побед, начавшейся на рассвете 1 сентября 1939 года с нанесения массированного воздушного удара по польским военным аэродромам.

Наземную операцию против Польши под кодовым названием «Вайс» поддерживали 2000 самолетов всех типов 4-го Воздушного флота. Немедленно после удара по аэродромам начались бомбежки крупных польских городов. Бомбили Варшаву, Познань и Краков. Старинные красивые города безжалостно разрушали, убивая тысячи людей, а германские бомбардировщики были надежно прикрыты его новейшими истребителями Bf-109 и Bf-110. Вилли тогда ощутил в своей душе глухую черную тоску. Разве для этого он создавал свои самолеты? Нет! Он хотел, чтобы они защищали родное небо, а не помогали творить преступления. Польские летчики храбро дрались на своих безнадежно устаревших бипланах PZL P.11, вооруженных всего лишь двумя пулеметами. Первые потери Люфтваффе понесли уже в первый день войны, когда поляки сбили два бомбардировщика «Дорнье» и три «сто десятых». Но, все же, силы были слишком не равны. К тому же польская армия получила удар с тыла: наступление начали Советы.

Генерал Гудериан и комбриг Кривошеин во время передачи города Брест-Литовска (ныне г. Брест, Белоруссия) частям РККА. Слева – генерал Мориц фон Викторин.

Польша была обречена, но войну Германии объявили Англия и Франция, и уже 8 сентября французские истребители на американских самолетах «Хок» -75 сбили два Bf-109D. Это были первые потери «сто девярых» во Второй мировой войне. До этого их сбивали только русские в Испании. С Польшей разделились к 8 октября. Многие польские летчики-истребители бежали в Румынию, а оттуда в Англию, чтобы потом сводить счеты с немцами, сражаясь на «спитфайрах» в составе Королевских ВВС. Война с Польшей была классической «молниеносной войной», о которой так любил рассуждать Гитлер. А затем настала очередь Дании, Норвегии и Франции.

Размышляя сейчас о тех, уже далеких, событиях, Вилли вновь испытал то острое чувство вины и стыда, которое было у него, когда он узнал про жестокие бомбардировки Варшавы. Мы, немцы, сами выпустили из бутылки злого джина, когда начали сбрасывать бомбы на города, подумал Мессершмитт. Так чего же мы возмущались, когда и нас заставили выпить до дна эту горькую чашу? Ведь сказано в священном писании христиан: какую

мерою другим меряете, такую и вам отмерят. Да и разве с Варшавы это все началось? Нет, это началось с Мадрида. А уж потом бомбы посыпались на Варшаву и Краков, на Лондон и Ковентри, на Роттердам, Киев, Москву, Ленинград, Сталинград... Мог ли немецкий народ после этого избежать страшного возмездия?

Улица Варшавы после бомбежки

Поведение Англии и Франции непосредственно после падения Польши не поддавалось никакому логическому объяснению. Расправившись с Польшей, Германия не была способна воевать с ними сразу, поскольку понесла ощутимые потери. Рейх располагал запасом бомб всего лишь на 5 дней, 30% самолетного парка было потеряно в боях. Польша своей геройской гибелью дала союзникам реальную возможность сокрушить врага немедленно. У французов и англичан было отмобилизовано и стояло на границе сто полнокровных дивизий, у Англии был к тому же могучий флот. И все это практически бездействовало, давая возможность Вермахту и германской военной промышленности собраться с силами! Чем можно объяснить такое странное поведение союзников? Этот вопрос Вилли не раз обсуждал наедине с Лилли, задал он его себе и сейчас.

Англичане и французы могли легко уничтожить Рейх тогда, но не сделали этого. Значит, он был им для чего-то нужен. Поэтому они тянули время, вели «странную войну», давали врагу окрепнуть и чего-то ждали. А чего ждали русские, когда заигрывали с Гитлером и отправляли ему стратегическое сырье, вместо того, чтобы уничтожить нацистское государство? А ведь они тоже могли это сделать! Да и не решился бы Гитлер на захват Польши

без согласия на то Сталина. И те, и другие рассчитывали, что Германия первой начнет войну не с ними. Это понял сейчас Вилли со всей очевидностью. И тем, и другим нужен был агрессивный Гитлер, чтобы ослабить с его помощью своих сильных геополитических противников. Англичане, французы и американцы хотели натравить его на СССР, а русские – на Европу и Англию. И те, и другие хотели не мира, а выгодной им мировой войны. Гитлер же искусно лавировал между ними и набирал все больше силы до тех пор, пока созданная им могучая империя не стала угрожать реальным уничтожением и англосаксам, и русским. Только тогда они по-настоящему объединились, чтобы уничтожить общего врага.

Его вывел из задумчивости один из немногочисленных пассажиров «Дугласа» – офицер британского военно-морского флота, сидевший почти рядом. Он достал сигарету и закурил. Едва ароматный дым достиг ноздрей Вилли, он почувствовал настолько острое желание закурить, что не мог удержаться от просьбы к своему соседу.

– Простите, – обратился он к нему по-английски.

– Слушаю вас, – вежливо ответил моряк, – вам мешает дым?

– О нет, напротив! Дым от вашей сигареты напомнил мне, что я не курил уже с позавчерашнего дня. А вы понимаете, что это значит!

– Угощайтесь! – офицер протянул ему пачку американских сигарет «Camel» с изображением верблюда.

– Благодарю вас!

Мессершмитт вытащил одну сигарету, а моряк поднес зажигалку. Вилли с наслаждением затянулся.

– Судя по акценту, вы немец, – сказал офицер.

– Вы правы.

– А судя по тому, что вас сопровождают сотрудники британской секретной службы, вы важная птица!

Вилли пожал плечами.

– Пожалуй, я действительно чего-то стою в своем ремесле, – сказал он, – но я не политик и не военный.

– Понимаю, – сказал моряк, – вы один из тех высококлассных немецких ученых и спецов, за головами которых теперь идет охота. Думаю, любой бы на вашем месте согласился на все предложения. Не раздумывая. – А вы сами легко бы покинули Англию, променяв ее на сытую жизнь на чужбине?

– Я офицер Королевского флота. Мой долг – служить Великобритании.

– Вот видите! – улыбнулся Вилли. – Вы меня понимаете.

– Но ведь Рейха больше не будет! – удивился офицер.

– Не будет Рейха, но будет обновленная Германия, – твердо сказал Мессершмитт. – Германия без СС, Гестапо, концлагерей и нацистов.

Офицер задумался и замолчал, дав возможность Вилли вернуться к своим мыслям.

«Странная война» на западе с незначительными локальными стычками продолжалась до 9 апреля 1940 года, когда Германия неожиданно напала на маленькую нейтральную Данию. Немцы высадили морской десант и вошли в Копенгаген, а воздушный десант высадился на севере страны. Датчане, как истинные цивилизованные и культурные европейцы, практически не оказали никакого сопротивления агрессору, а просто сдались на милость

победителя. Затем настала очередь Норвегии, которая, собственно, и была истинной целью операции по захвату Дании. Все дело было в шведской железной руде, которую Германия получала через норвежский порт Нарвик. Не так уж и нейтральна была Швеция, хоть и осталась в стороне от прямых военных действий. Немцам было необходимо захватить этот порт прежде, чем это сделают англичане с французами. Захват Норвегии, в отличие от Дании, не стал для немцев увеселительной прогулкой.

Операция была спланирована в их фирменном блестящем стиле: воздушный десант захватил аэродромы в городах Осло и Ставангер. Эти аэродромы немедленно стали принимать транспортники Ю-52, набитые солдатами и легкими танками. Был задействован и флот, которому пришлось вступить в противоборство с флотом «хозяйки морей». Транспортные корабли немцев высаживали морской десант, захватывая прибрежные норвежские города, а боевые корабли их прикрывали, неся тяжелые потери. Англичане и норвежцы потопили два немецких крейсера и десять эсминцев. «Странная война» закончилась. Норвежцы отчаянно сопротивлялись, уходя вглубь страны, англичане высадили крупный десант в Нарвике и недалеко к югу от другого норвежского порта – города Трондхейм. И вновь очень отличились Люфтваффе, вооруженные его тяжелыми истребителями Вф-110, которые без труда справились с норвежскими тихоходными бипланами Глостер. А благодаря большой дальности полета его «сто десяты» могли контролировать все воздушное пространство над страной. Господство в воздухе в конечном итоге и определило успех операции по захвату Норвегии, которая еще продолжалась даже тогда, когда произошел захват Бельгии, Голландии и Люксембурга. Эти страны, также как и Дания, не оказали достойного сопротивления. Лишь после этого англичане ушли из Норвегии, и вместе с ними ушло в изгнание правительство и король этой страны. Настала очередь принять вызов дерзких гуннов великого европейского государства – Франции.

Если скорая победа Вермахта над польскими вооруженными силами ни у кого не вызывала сомнений, то разгром Франции с ее мощной и многочисленной армией всего лишь за 40 дней вызвал шок даже у самих немцев. Между тем, противостоящая германской армии сторона, как минимум, не уступала вермахту по силе, а во многом, и превосходила его. Французы мобилизовали три миллиона человек, у них было 94 дивизии, усиленные танковыми батальонами. Было и несколько танковых дивизий. Кроме того, англичане послали на континент триста тысяч человек в составе своих экспедиционных сил. Люфтваффе противостояли 2000 самолетов, среди которых было 1150 истребителей. Правда, качество даже новейших французских истребителей D.520 конструкции Девуатина было ниже, чем у его «эмилей»: они уступали ему по скорости. А истребитель MS.406, которым в основном были вооружены французские ВВС, имел еще менее мощный мотор. Но, конечно, не это определило фантастический успех вермахта, а грамотность и решительность высшего командования, твердая дисциплина в войсках и высокий боевой дух немецких солдат и офицеров.

«Удар серпа» – так называлась разработанная Генеральным штабом операция по разгрому сил западных союзников. И главная роль в этом плане отводилась десяти танковым дивизиям, которые должны были, как нож в масло, войти в Арденны, затем выйти к Седану, раздробить силы противника и загнать их в «котлы». Ну, а 10 мая, в самом начале разработанной Майнштейном операции, как и полагается при блицкриге, были нанесены внезапные и мощные воздушные удары по аэродромам с целью уничтожения самолетов на земле. Затем последовало завоевание господства в воздухе и высадка воздушных десантов на ключевых опорных пунктах. После этого авиация приступила к расчистке путей для танков и пехоты. Тогда особенно отличились «штуки», одномоторные бомбардировщики Юнкерса Ю-87 с неубирающимися шасси. Это была настоящая «летающая артиллерия». С ужасным воем, который издавали специально установленные на них сирены, они пикировали на наземные войска и прицельно сбрасывали бомбы, деморализуя и уничтожая противника.

Атакуют пикировщики Ю-87

Но и его «мессеры», расчистив небо от уцелевших после первого удара истребителей противника, приняли активное участие в штурмовках наземных войск. Через месяц с небольшим Франция была повержена, англичане эвакуировали морем свои экспедиционные силы из Дюнкерка, Бельгия капитулировала.

Мессершмитт откинулся на жесткой скамье, прислонился к борту самолета и закрыл глаза, размышляя об этих событиях. Как же такое могло произойти? Если бы Гитлера оставили тогда, история пошла бы по другому сценарию, более мягкому для самих немцев. Не было бы войны с Россией, тотальных бомбежек, миллионов жертв. Оглушительное поражение Франции стало расплатой за бездарность и безвольность ее высшего политического и военного руководства. Пожалуй, это было прямое предательство со стороны элиты. Да, французский народ цинично растоптали и предали. Париж был сдан, страна оккупирована, ее ресурсы захвачены, капитуляция подписана в том же самом вагоне, в котором некогда ее подписывала Германия. Тео говорил ему, что сам фюрер настоял на этом, приказал найти и реставрировать именно этот вагон. Какой несмыслаемый позор некогда великой державы! Наполеон Бонапарт и Карл Великий, наверное, перевернулись в гробу.

Парад нацистов в Париже

Правда, часть военных ушла с генералом де Голлем, чтобы продолжить борьбу в составе организации «Сражающаяся Франция», некоторые летчики-истребители из них позднее поступили на службу к русским и образовали истребительный полк, который получил собственное имя по названию одной из французских провинций. Кажется, «Нормандия». Но все это было каплей в море по сравнению с тем, какое сопротивление могла бы оказать Франция. И вот теперь французы смеют примазываться к стану победителей! Мессершмитт усмехнулся, вспомнив свой вчерашний допрос с участием французского представителя. С какой важностью он держался, как многозначительно прищуривался, когда задавал свои каверзные вопросы! Вилли не удивится, если у французов хватит наглости для подписания акта о капитуляции Германии вместе с русскими, янки и англичанами.

Разгромив Францию, фюрер посчитал, что пришло время для того, чтобы разобраться с оставшимися в одиночестве британцами и отдал приказ о разработке операции «Морской лев». Собирался ли Гитлер и вправду высаживать десант на Британских островах, или это все был блеф, обманка для Сталина? В августе 1940 года, когда война с Англией неумолимо приближалась, Вилли был убежден, что да, собирался. Войны с Россией никто не хотел. Еще

Бисмарк писал о гибельности такой войны не только для Германии, а вообще для любой европейской страны. Захватив Европу, Гитлер с удовольствием прекратил бы все дальнейшие военные действия, но ведь ему бы никогда не дали этого сделать. Большая игра только начиналась. Гитлер оказался в положении удачливого игрока в карты, который сорвал крупный куш и был бы не прочь выйти из игры, но его партнеры говорят ему: *«Куда ты, дружок? погоди, ты должен продолжать игру с нами!»* И он остается за карточным столом вместе с Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным.

Иосиф Сталин

Восточный деспот, вроде бы, демонстрирует дружелюбие: в Германию идут поставки сырья, советская пропаганда не критикует нацистов, заключен пакт о ненападении, но при этом Советский Союз постоянно захватывает новые территории и наращивает военную мощь у своих западных границ. Что у него на уме? Уж не хочет ли он, усыпив бдительность своего «друга» Адольфа, нанести ему коварный удар в спину? Черчилль, напротив, декларирует непреклонность в борьбе с нацизмом, а за его спиной маячит Рузвельт со всей экономической и военной мощью США.

Уинстон Черчилль

Но если вдуматься, так ли уж нужен Черчиллю противоестественный союз со Сталиным? Трудно представить себе большего антикоммуниста, чем Черчилль. Зачем ему усиление коммунистической России? Не логичнее ли объединиться представителям европейской цивилизации против большевистских варваров?

С другой стороны, союз Германии и СССР тоже вполне возможен. Вермахт и РККА на примере Польши продемонстрировали, что могут слаженно решать стратегические задачи. А такой союз, действительно, сделал бы их участников непобедимыми. И именно союза Германии с Россией всегда боялась Британия, которая была извечным врагом обеих континентальных держав. Гитлеру необходимо было искусно лавировать между Сциллой Британии и Харибдой России и ни в коем случае не допустить самый кошмарный вариант – их военно-политического союза, который приведет Германию к войне на два фронта. Это вариант гибельный, поэтому фюрер не позволил своим танковым корпусам уничтожить англичан в Дюнкерке и дал возможность королевскому флоту эвакуировать их морем. Это был четкий сигнал Британии, сигнал о желании мира, но она не захотела его услышать. Значит, Британию, которая находится с Германией в состоянии войны, надо проучить: нанести серию воздушных ударов, разрушить ее военно-промышленный потенциал, а затем, если не удастся склонить ее к миру, и захватить. Делать это нужно немедленно, любой ценой вывести ее из игры, а уж потом, оставшись один на один с Россией, продолжать игру: либо воевать с ней, либо договориться. Вилли не сомневался как в том, что ход размышлений фюрера был именно таким, так и в том, что все его ходы были, по сути, вынужденными.

О том, что Гитлер всерьез готовился десантировать войска на Британские острова, говорил его неподдельный интерес к большим транспортным планерам. Мессершмитт когда-то начинал свою конструкторскую деятельность именно с планеров, и эта тема ему была всегда близка. Как-то на совещании у фюрера зашла речь о трудностях начала вторжения в Англию. Как высаживать морской десант в условиях превосходства врага на море? Вот тогда Вилли и подал Гитлеру идею большого десантного планера. У Люфтваффе уже были планеры DFS-230, которые могли поднять пилота и девять солдат, и они использовались при захвате Бельгии. Понятно, что для захвата плацдармов в Англии нужны совсем другие планеры – огромные, чтобы в каждый можно было без труда поместить легкий танк или несколько пушек и добрую сотню вооруженных солдат. Фюреру очень понравилась идея высадки в тылу врага десанта, усиленного артиллерией и бронетехникой, и он дал распоряжение на выдачу контракта фирмам «Мессершмитт» и «Юнкерс» на разработку больших

десантных планеров. Почему именно планеры, а не большие транспортные самолеты? Да потому что их можно сделать много, быстро и дешево. Материал для их производства – толстая сосновая фанера и стальные трубы для сварного каркаса. Двигателя планер не имеет, его буксируют на тросах самолеты. Они выводят его на нужный курс, а потом тросы отцепляются, он уже летит сам и приземляется на заданной площадке. Что и говорить, идея была красивая, и Вилли все-таки создал большой десантный планер Me-321 «Гигант» с размахом крыльев 55 метров, который буксировался четырехмоторным пассажирским Ю-90.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.